

## РЕГИОНАЛЬНЫЙ И НАЦИОНАЛЬНЫЙ ПОДХОДЫ К ВОПРОСАМ БЕЗОПАСНОСТИ В ВОСТОЧНОЙ АЗИИ НА РУБЕЖЕ ВЕКОВ

В конце XX столетия Восточная Азия являлась единственным регионом мира, где влияние военных факторов было минимальным и преобладал экономический тип межгосударственных отношений и региональных связей. Вопросы безопасности в Восточной Азии сводились к поддержанию стабильности как на региональном, так и на национальном уровнях. Тем не менее давали о себе знать продолжающиеся региональные конфликты, в том числе и противостояние на Корейском полуострове. В первое десятилетие XXI в. в Азиатско-Тихоокеанском регионе особо остро встала проблема угрозы распространения ядерного оружия. Весной 2013 г. Восточная Азия превратилась в центр военной конфронтации, а события на Корейском полуострове свидетельствовали о том, что эффективное коллективное решение обеспечения безопасности жизненно необходимо для государств региона.

**Ключевые слова:** Восточная Азия; безопасность; конфронтация.

Как показала практика, во второй половине XX в. в Восточной Азии фактически отсутствовало преобладание военных факторов и доминировал экономический тип регулирования региональных отношений. [1. С. 213]. Вопросы безопасности в АТР (Азиатско-Тихоокеанском регионе) во многом сводились к поддержанию стабильности как на региональном, так и на национальном уровнях для создания благоприятного инвестиционного климата и осуществления необходимых экономических реформ, обеспечивающих государствам рост и устойчивое развитие. Так, Япония, формируя свою национальную стратегию безопасности, отводила особую роль экономической компоненте. Если Соединённые Штаты были заинтересованы в укреплении военно-политического сотрудничества, то Китай в вопросах региональной безопасности больше склонялся к механизмам «экономической дипломатии» и политики «мягкой силы» в китайском варианте.

Большинство стран региона, отдавая должное традиционным отношениям и сохраняя определенную традиционность, превращались в современные «постмодернистские» государства, которые, в отличие от государств, оперирующих категориями силы, вкладывали значительный экономический потенциал не в милитаризацию, а в укрепление собственного благосостояния и развитие региональных интеграционных образований. Безопасность, свобода и благосостояние стран региона непосредственным образом зависели от «постмодернистской» политики, предусматривающей переговоры, компромиссы и экономическое сотрудничество [2. С. 106]. Свидетельством этого стал мощный «интеграционный бум» 90-х гг. XX в. в форме резкой интенсификации регионализма в мировых экономических отношениях или «новый регионализм», который в наиболее концентрированном виде проявился именно в Восточной Азии. Интеграционные процессы в АТР выстраивались на трех основных уровнях: локальном (локальные экономические зоны), субрегиональном (АСЕАН) и региональном (АТЭС, Восточно-Азиатское сообщество). Эти процессы были связаны с общей глобализацией и не противоречили объективному ходу развития. В то же время интеграция в АТР, в отличие от глобализации, представляла собой явление, демонстрирующее стремление стран региона

коллективно выработать политику и общее политическое решение, устраивающее всех при обязательном учете национальных интересов участвующих сторон.

Несмотря на то что в АТР в рассматриваемый период сохранялась экономическая доминанта региональных связей, тем не менее, давали о себе знать дестабилизирующие факторы и нерешенные региональные конфликты: проблема диалога Северной и Южной Кореи; противостояние материкового Китая и Тайваня (особенно позиция США в этом вопросе); территориальное единство Индонезии и проблема Восточного Тимора; повторяющиеся террористические акты в Индонезии и на Филиппинах, связанные с эскалацией процессов исламского фундаментализма в регионе; ситуация в Камбодже, Мьянме, на Папуа – Новая Гвинея; территориальные споры в районе Южно-Китайского и Восточно-Китайского морей; географическая близость государств, обладающих ядерным оружием, – Индии и Пакистана – и их участие в территориальных конфликтах в Южной Азии (прежде всего это касается конфликтов между Китаем и Индией и Индией и Пакистаном). Кроме перечисленных факторов, приходилось учитывать и то, что практически во всех странах Юго-Восточной Азии (ЮВА), кроме Сингапура и Брунея, сохранялись проблемы, связанные с межэтническими конфликтами, экстремизмом и терроризмом. Наименее стабильной ситуация в этом отношении была в Индонезии (после ухода в 1998 г. с поста президента генерала Хаджи Мухаммеда Сухарто), на Филиппинах и в Мьянме. Наряду с терроризмом и экстремизмом для ЮВА и Восточной Азии угрозу представляли пиратство, торговля наркотиками и людьми [3. С. 173–174].

Большую озабоченность вызывали имеющие исторические корни нерешенные политико-психологические конфликты, являющиеся последствием длительного для большинства стран региона периода японского колониального господства. Особенно зримо это проявлялось в претензиях морального и финансового характера со стороны Китая и Республики Корея, постоянно возвращающихся к вопросу о японском экспансионизме во время Второй мировой войны и стремлении современных японцев приуменьшить японские зверства во время войны. Это вызывало ультранационалистические выступления молодых япон-

цев, китайцев и корейцев [4. Р. 60]. Все это приводило к настороженному отношению, а иногда и негодованию со стороны Китая, Республики Корея и тех же стран ЮВА, если японское руководство слишком явно стремилось усилить свою политическую активность в регионе, не довольствуясь только экономическим влиянием.

При этом следовало учитывать особый путь развития государств региона, и прежде всего стран ЮВА, после Второй мировой войны. Большинство государств (за исключением Таиланда) длительное время находились в колониальной зависимости от «великих держав» и сравнительно недавно, по меркам истории, приобрели и отстаивали свою независимость. В этом контексте многие международные инициативы и принимаемые решения, не всегда в равной степени устраивающие страны региона, нередко становились предметом острой дискуссии и расценивались как нарушающие их национальный суверенитет и наносящие ущерб существующему несколько десятков лет доминирующему политическому принципу «невмешательства» [5. Р. 167].

В целом, несмотря на стремление стран АТР к стабильности, как на национальном, так и на субрегиональном и региональном уровнях, в силу меняющихся условий внешней глобальной среды можно выделить несколько особенностей обеспечения безопасности в Восточной Азии в рассматриваемый период.

#### **Проблема американских военных баз**

Наряду с борьбой за политическое лидерство на фоне роста Китая и снижении веса России в 1990-е гг., а также недостаточно четкой позиции Соединенных Штатов в отношении определения места Восточной Азии во внешнеполитической стратегии значительное влияние на изменение баланса сил в регионе после распада СССР и прекращения действия фактора советской военной угрозы оказало намерение США сократить свое непосредственное военное присутствие в Азиатско-Тихоокеанском регионе, что поднимало проблему союзников и военных баз. Это не касалось напрямую подписанных США с Южной Кореей (1953 г.) и Тайванем (1954 г.) договоров о «совместной обороне», которые были неотъемлемой составляющей созданной США и СССР после Второй мировой войны системы военных блоков и союзов. Помимо Тайваня и Южной Кореи, Соединенные Штаты имели аналогичные договоры с Японией, Австралией, Новой Зеландией и Филиппинами, а СССР – с КНР. «Блоковая стратегия» США и их союзников в АТР была не столь успешна, как в других регионах, и созданные блоки (АНЗЮС – Австралия, Новая Зеландия, США (1951 г.) и СЕАТО – США, Великобритания, Франция, Австралия, Новая Зеландия, Филиппины, Таиланд, Пакистан (1954 г.)), оказались не такими устойчивыми, как НАТО, и в 70-е гг. они фактически прекратили свое существование. Во многом это было связано с отсутствием какой-либо идентичности и культурной общности Соединенных Штатов со странами региона в отличие от Европы [6].

С размещением в Южной Корее американских войск и поддержкой Тайваня эти территории станови-

лись важными стратегическими пунктами в регионе, являясь фактически военными базами США на Дальнем Востоке и в Азии. Со стороны Соединенных Штатов осуществлялись поставки оружия для 464-тысячной тайваньской армии. С середины 1960-х гг. США и Япония направляли на Тайвань и в Южную Корею экономическую помощь, займы, кредиты. Присутствие в Южной Корее вооруженного новейшей техникой и ядерным оружием 43-тысячного контингента американских войск, милитаризация этого государства, а также стремление США разместить на территории страны ядерные средства среднего радиуса действия, в том числе и крылатые ракеты, свидетельствовали о том, что Соединенные Штаты планировали превратить Южную Корею в фактор глобального военно-стратегического значения.

Проблема американских военных баз напрямую касалась стран Юго-Восточной Азии. После завершения холодной войны между Востоком и Западом, США, которые до этого держали под своим контролем ЮВА, стали выводить вооруженные силы. Ситуация особенно обострилась, когда Китай, увеличивая свое военное присутствие в Азии, приступил к наращиванию ВМС в связи с ликвидацией американских военных баз на территории Филиппин (Субик-Бей и Кларк-Филд). Страны ЮВА и Индия расценили это как стремление Китая воспользоваться вакуумом, образовавшимся после вывода американских войск, и стать военным лидером в регионе. Вопрос о военных объектах США со всей остротой был поставлен на Филиппинах после прихода к власти президента К. Акино. В апреле 1988 г. в Маниле начались переговоры об условиях их сохранения на ближайшие три года. Длительное время имели силу формальные разногласия, вызванные стремлением Филиппин добиться от США увеличения арендной платы. В конце концов Сенат Филиппин одобрил законопроект, запрещающий размещение на территории страны и транзит через нее ядерного оружия, а также прохождение через национальные воды кораблей с ядерным оружием на борту. 4 января 1992 г. США и Сингапур, который развивал военное сотрудничество с Соединенными Штатами в рамках подписанного в ноябре 1990 г. меморандума о взаимоотношении, договорились о переводе в 1993 г. на территорию Сингапура американского военно-морского командования с базы Субик-Бей на Филиппинах. В Сингапуре планировалось перевести службы, отвечающие за тыловое обеспечение кораблей 7-го флота США. Но это не означало создание в Сингапуре баз, подобных Субик-Бей и Кларк-Филду. В планах Соединенных Штатов относительно Сингапура проявилась новая стратегия, направленная на создание в Тихом океане широкой сети более мелких баз снабжения. Таким образом, корабли могли не базироваться в одном пункте, а быть рассредоточены по различным, сравнительно небольшим объектам тыловой поддержки флота. Америка планировала создать такие же пункты обеспечения для своих ВМС и ВВС в других странах ЮВА, хотя Малайзия и Индонезия выступали против. В связи с этим перед Индонезией как перед крупнейшей страной Ассоциации госу-

дарств Юго-Восточной Азии, выступающей за создание в ЮВА зоны мира и нейтралитета и считающей, что иностранные базы должны быть выведены из региона, была поставлена нелегкая задача – оправдать действия своего партнера по Ассоциации – Сингапура. Руководители Индонезии пришли к компромиссному решению: считать, что достигнутое США и Сингапуром соглашение на размещение персонала транспортного обеспечения не выходит за рамки двустороннего меморандума о взаимоотношении, исключая создание военных баз, но предусматривающего использование военных объектов Сингапура. Малайзия, Индонезия и Сингапур предложили свои порты, аэродромы для технического обслуживания американских боевых самолетов и кораблей [7. С. 21–22].

В то же время США считали, что после окончания холодной войны отпала необходимость поддерживать региональные группировки, которые раньше рассматривались в качестве противовеса другим великим державам и исключили Ассоциацию государств Юго-Восточной Азии из числа приоритетных направлений своей внешней политики, недооценив ее интеграционный потенциал как на субрегиональном, так и на региональном уровне (см. об этом: [8. С. 191–218]). В соответствии с базовым для «доктрины Клинтона» документом – «Стратегией национальной безопасности вовлеченности и расширения» основное внимание в Восточной Азии Соединенные Штаты сосредоточили на «конструктивном вовлечении» Китая. Это было связано с тем, что усиление Китая в качестве регионального центра расценивалось администрацией Б. Клинтона в качестве главной угрозы для установления глобальной гегемонии США [9]. Ситуация в ЮВА рассматривалась как находящаяся в зависимости от американо-китайских отношений, а АСЕАН – как группа малых стран, идущих в фарватере этих великих государств и зависящих от сохранения стратегического равновесия между ними. Внешнеполитическая позиция стран Ассоциации воспринималась как достаточно пассивная, лишенная единства. Отталкиваясь от этого, отношения со странами региона развивались преимущественно на двустороннем уровне. Снижение значимости Юго-Восточной Азии в иерархии национальных интересов США выразилось в сокращении постоянного присутствия американского контингента на территории стран ЮВА [10].

Существенные коррективы в расстановку сил в Азиатско-Тихоокеанском регионе, как и в мире в целом, внесли теракты 11 сентября 2001 г. в США. «Глобальная война с террором» и принятая Соединенными Штатами в 2002 г. доктрина «превентивных действий», предусматривающая выявление и устранение террористических угроз по всему миру, вызвали определенные опасения руководителей стран региона. Приходилось соблюдать баланс между сохранением лояльности населения своих стран, особенно это касалось ЮВА, нередко демонстрирующего антиамериканские настроения, и необходимостью поддерживать действия США [11]. Во многом к росту антиамериканских и паназиатских настроений в некоторых странах АСЕАН, например в Малайзии, привела по-

следовавшая за недооценкой ЮВА администрацией Б. Клинтона односторонняя политика администрации Дж. Буша. Так, в течение долгого времени США не скрывали своего негативного отношения к созданному в 1993 г. Региональному форуму АСЕАН (АРФ), так как Форум был инициирован Ассоциацией и действовал по программе и в соответствии с принципами этой организации, не оставляя надежды на лидерство Соединенных Штатов в вопросах безопасности в регионе. Этот форум объединил страны Азии, Европы и Америки, включая США, Россию и Китай. АРФ сфокусировал свое внимание на мерах «превентивной дипломатии» и обсуждении проблем региональной безопасности, не обладая при этом реальными военно-политическими структурами для их решения. Госсекретарь К. Райс во время президентства Дж. Буша младшего редко присутствовала на заседаниях АРФ. Опасаясь потери «свободы рук» в регионе, США в течение длительного времени отказывались присоединиться к Договору о дружбе и сотрудничестве 1976 г., а также не участвовали в переговорах по вопросам подписания протокола Договора о зоне, свободной от ядерного оружия, в Юго-Восточной Азии.

Кроме того, традиционно США не стремились поддерживать восточноазиатскую многосторонность и добивались своих интересов, в основном, путём развития двусторонних связей. Они активно укрепляли отношения с государствами ЮВА, в том числе со странами, не являющимися традиционными союзниками США (например, Индонезией и Вьетнамом), используя условия войны против международного терроризма. В этот период был подписан ряд соглашений о военном сотрудничестве с Таиландом и Филиппинами, которым предоставлялся статус стратегического союзника вне НАТО. В апреле 2000 г. Соединенные Штаты и Сингапур заключили соглашение о взаимном обеспечении снабжения и предоставлении технических услуг вооруженным силам, по которому ВМС США получали право использования базы ВВС Пайя Лебар и военно-морской базы Чанги для проведения операций в Малаккском проливе, затем широко используемые для снабжения войск США и НАТО в Афганистане. С 2002 г. США стали возвращать свои контингенты на прежние базы в Таиланде и на Филиппинах. В 2003 г. в Таиланде были созданы две новые базы ВМС, а также Антитеррористический центр. В 2005 г. Соединенные Штаты полностью восстановили военное сотрудничество с Индонезией. В октябре 2008 г. был создан новый, беспрецедентный переговорный формат диалога Вьетнама и США по военно-политическим вопросам, включающий регулярные взаимные визиты руководителей государств и министров обороны двух стран (см. об этом: [8. С. 191–218]).

Более значительные изменения американской политики в отношении ЮВА произошли с приходом администрации Б. Обамы. Госсекретарь США Хилари Клинтон, осуществляя в феврале 2009 г. первый зарубежный визит, посетила Индонезию и Секретариат АСЕАН в Джакарте. В июле 2009 г. на очередной сессии АРФ она подписала основополагающий Балийский договор 1976 г. Также США вернулись за стол

переговоров по вопросам подписания протокола к Договору о безъядерной зоне в ЮВА. В то же время страны ЮВА делали упор не на наращивание военного присутствия США и укрепление военных союзов, а на выработку такой программы сотрудничества, которая позволяла бы решить самые острые проблемы региона [12].

**«Экономическая безопасность – национальная безопасность – региональная безопасность» – триада японской системы безопасности**

После окончания холодной войны в скором уходе из региона США и выходе из союза с Америкой не было заинтересовано, прежде всего, Правительство Японии. Американо-японское партнерство и заключенный в 1952 г. между США и Японией «Пакт безопасности», позволивший Соединенным Штатам размещать на территории Японии свои наземные, воздушные и морские силы, оставались в центре внимания внешней политики и стратегии национальной безопасности Японии. В расчет брались, прежде всего, стремление Китая стать региональным лидером, потеснив позиции Японии, нестабильность в России и проблемы безопасности, с которыми сталкивалась Япония в Северо-Восточной Азии и на Корейском полуострове. Благодаря американо-японскому военному партнерству на базе заключенного в 1952 г. между США и Японией «Пакта безопасности» и военным заказам японского правительства (особенно американским военным заказам в годы корейской и вьетнамской войн), США финансировали военные расходы Японии на 80%, что создавало благоприятную обстановку для японского монополистического капитала. При небольших собственных военных расходах от госбюджета (менее 1%) развитие японской военной, особенно ракетно-ядерной, промышленности происходило при участии американских монополий. В связи с этим значительную долю бюджетных расходов Япония тратила на укрепление собственной «экономической безопасности». Термин «экономическая безопасность» в Японии появляется в 1971 г., после нефтяного кризиса 1973 г. он становится важнейшей составляющей понятия «национальная безопасность». При этом учитывалась экономическая уязвимость Японии, обусловленная высоким уровнем внешней ресурсозависимости (до 80%). Одним из последствий нефтяного кризиса 1973 г. было принятие в стране Предварительного плана экономического развития на 1975–1985 гг., где была конкретно обозначена проблема «экономической безопасности» страны и подчеркивалась необходимость ее решения в связи с обеспечением Японии сырьевыми, энергетическими и продовольственными ресурсами. В среднесрочном Новом семилетнем плане экономического и социального развития (1979 г.) четко указывалось на обязанность реализации внутренней и внешней политики с учетом «экономической безопасности». В декабре 1980 г. при Кабинете министров Японии был создан Совет комплексного обеспечения безопасности, который определил «экономическую безопасность» как

защиту экономики страны от любой внешней угрозы [7. С. 21–24, 27]. При этом ставились следующие задачи:

- добиться гарантированного обеспечения поставок сырья, энергоносителей и продовольствия;
- внести свой вклад в улучшение мирового спроса и предложения за счет совместных с другими странами разработок в области поиска альтернативных источников энергии;
- оказать помощь в развитии сельскохозяйственной базы в странах-поставщиках;
- сотрудничать в сферах технологии и финансов.

В первую очередь это касалось стран Юго-Восточной Азии. Подавляющая часть финансовых средств (86,7%), предоставляемых развивающимся странам по правительственной линии, в порядке экономической помощи направлялась в страны ЮВА. Руководство Японии рассматривало страны ЮВА, а именно АСЕАН, в качестве противовеса «расширению влияния социалистического Вьетнама в Юго-Восточной Азии» [13. С. 58].

В области обеспечения «энергетической безопасности» Японии за 1970–1980-е гг. были осуществлены мероприятия по созданию стратегических запасов нефти (сырой). Начиная с 1976 г. частными предпринимателями, а с 1978 г. и правительственными структурами стали создаваться хранилища нефти и нефтепродуктов стратегического характера. Запасы создавались из расчета самообеспеченности в национальном масштабе до 90 дней, позднее – до 70 дней. Было создано десять стратегических хранилищ наземного, подземного и морского базирования, в которых сосредоточивались в 1994 г. запасы нефти и нефтепродуктов объемом 80 млн к/л. В эти годы в энергетическом балансе страны появились альтернативные нефти энергоресурсы, прежде всего атомная энергия. С 1975 по 1993 г. доля атомной энергии в энергетическом балансе страны возросла с 1,5 до 11,1% [7. С. 28].

Несмотря на внутренние трудности, связанные с последствиями экономического и политического кризисов 1990-х гг., Япония, внимательно следя за подъемом Китая и меняющейся стратегической обстановкой в АТР на рубеже веков, всеми силами стремилась укрепиться в Восточной Азии. Кроме того, США настаивали на том, что Япония должна играть более активную роль не только в регионе, но и за пределами его [14. Р. 147]. Юго-Восточную Азию, экономически сильную и политически стабильную, Япония рассматривала в качестве «противовеса» Китаю [15. Р. 157] и реальной возможности сохранить свои позиции в регионе. В специально разработанной в 2002 г. «доктрине Коидзуми» подчеркивалась необходимость более активного сотрудничества со странами АСЕАН в вопросах экономики и укрепления безопасности на основе равенства и уважения [16]. Упрочив основу отношений со странами АСЕАН в вопросах безопасности, после присоединения в 2004 г. к Договору о дружбе и сотрудничестве 1976 г., в этом же году стороны подписали Декларацию о сотрудничестве в борьбе против международного терроризма. Кроме того, Япония всегда активно поддерживала создание

Регионального форума АСЕАН, а также содействовала формированию Совета по сотрудничеству в области безопасности АТР – крупнейшей неправительственной организации, созданной в поддержку АРФ (см. об этом: [8. С. 219–231]). Япония продолжала осуществлять техническую поддержку и финансовую помощь Ассоциации по различным проектам и программам, стимулируя интеграционные процессы в регионе и сама являясь своеобразным «противовесом» Китаю, позволяя государствам АСЕАН извлекать определенные выгоды из конкуренции двух стран за лидерство [17].

### Китайский фактор

После окончания холодной войны особое беспокойство стран региона было связано с тем, что Китай, набирая экономическую силу, активно осуществлял политику «богатая страна – сильная армия», ежегодно наращивая оборонные ассигнования. Настораживало то, что Китай держал в секрете реальное состояние своих вооруженных сил и помимо официальной статистики относительно оборонных расходов, судя по явной модернизации китайских ВМС и ВВС, не афишировал реальные расходы. Кроме того, он требовал от ЕС отменить введенное в 1989 г. после событий на площади Тяньаньмэнь эмбарго на импорт вооружений и технологий. В то же время Китай фокусировал свое внимание на экономическом и социально-культурном аспектах сотрудничества со странами региона, в отличие от США, которые больше проявляли интерес к военно-политическому сотрудничеству и вопросам безопасности. Вообще, политика Соединенных Штатов в регионе и особенно в Северо-Восточной Азии в значительной мере определялась конкуренцией с КНР [6]. США были весьма обеспокоены тем, что с развитием восточноазиатского регионализма и укреплением мощи Китая КНР может заменить Соединенные Штаты в плане влияния в регионе, что приведет к уменьшению роли США. Правда, в действительности для Китая проблема занять какое-либо место Соединенных Штатов в Восточной Азии не была первоочередной. Более важными виделись необходимость решения различных задач внутри страны и, самое главное, повышение благосостояния китайского народа. Кроме того, китайское руководство прекрасно понимало, что США по-прежнему играют ключевую роль в региональной безопасности, а сам Китай не имеет реального потенциала для снижения влияния Соединенных Штатов в регионе, которое определялось не только военным присутствием в регионе, но и состоянием экономики США [18. Р. 58–59].

В отличие от заявлений США о своей «исключительности» на мировой арене, китайская «исключительность» сводилась к тому, что КНР не пыталась никого переделывать по своему образцу и подобию. Китай стремился влиять на мировую ситуацию и консолидировать свою расширяющуюся деятельность в регионе и за его пределами для достижения экономического процветания, не забывая о позиционировании себя в качестве моральной основы мирового сообще-

ства. По мере превращения в мощную экономическую державу Китай стремился стать и одной из сильнейших военных держав с самой большой армией в мире по личному составу и гигантским военным бюджетом (238 млрд долл. в 2015 г.), обладая средствами, которые соответствовали бы его экономической мощи. В связи с этим китайская армия получала новые технологии и истребители, такие как F14. Принятая в стране до 2030 г. военная программа основывается не только на защите суверенитета Китая, но и на формировании мощного флота, который будет в состоянии проводить операции вдали от китайских берегов. Предполагается, что Китай должен быть в состоянии перекрыть «любой иностранной силе доступ в китайские воды, которые в восприятии китайского руководства простираются чуть ли не до центра Тихого океана» [19]. Таким образом, главным врагом становятся американские авианосцы, и «если для США и существует какая-то угроза, она исходит не от более, чем относительного расширения китайских военных возможностей через призму бюджета, а от новых планов на Тихий океан, которые открыто демонстрирует пекинское руководство. С окончания Второй мировой войны Вашингтон как союзник Токио и Сеула неизменно пользовался полной свободой движения в водах непосредственно у побережья континентального Китая. Сейчас Пекин стремится оспорить эту свободу и превосходство» [Там же]. Современные китайские лидеры осознают, что дипломатическое влияние во многом опирается на военные возможности. Во время войны в Персидском заливе стало очевидным, что «находившаяся в распоряжении Саддама Хусейна китайская техника полностью устарела. Народно-освободительная армия образца 1990 г. по большей части представляла собой отряды ополченцев с небольшим числом относительно профессиональных подразделений. 20 лет спустя личный состав уменьшился вдвое, а бюджет вырос вчетверо. Тем не менее она по-прежнему остается “бедной” армией, так как тратит всего лишь 25 000 долларов на военнослужащего в год (зарплата, подготовка, обмундирование и вооружение). Для сравнения: во Франции этот показатель равняется 230 000 долларов в год, а в США – 450 000 долларов» [19]. При этом по большей части средства шли на улучшение условий жизни военных, а не на техническую модернизацию армии.

В то же время, постоянно сталкиваясь с «политической сдержанностью» со стороны США и продолжающейся настороженностью соседей по региону в отношении своей мощи [20], Китаю приходилось действовать, делая ставку на наращивание «мягкого влияния» в регионе, активно включаясь в работу структуры двустороннего и многостороннего сотрудничества, подключая механизмы «экономической дипломатии», предоставляя инвестиций странам Индокитая, недавно присоединившимся к АСЕАН. Не отказывался Китай и от развития военного сотрудничества с такими традиционными союзниками США, как Таиланд и Филиппины. С наступлением нового века Китай, несмотря на существование военных союзов некоторых своих партнеров по АТР, особенно в ЮВА, с США,

стал первой страной вне АСЕАН, которая приобрела статус «стратегического партнера» Ассоциации, что привело к новому подъему отношений Китая и стран ЮВА [21]. 8 октября 2003 г. на VII саммите АСЕАН Китай и страны – участницы Ассоциации подписали Декларацию о стратегическом партнерстве ради мира и процветания, которое определялось как «невоенное и открытое, не лишаящее участников права развивать всесторонние связи дружбы и сотрудничества с другими странами» [22]. Странам региона импонировало то, что Китай, поддерживая сотрудничество по проблемам мира и безопасности в регионе, не вовлекал государства ЮВА в военные союзы и, в отличие от США и ЕС, не критиковал и не налагал санкции на авторитарные режимы, имелась в виду, прежде всего, Мьянма. В то же время различия в подходах к региональным проблемам у сторон все-таки были. Лидеры АСЕАН поддерживали китайских коллег в том, что необходим новый мировой порядок, который должен прийти на смену пост-биполярному миру. Но в Пекине считали, что в основе нового мирового порядка должен лежать принцип «многополярности». Страны АСЕАН отстаивали принцип «многосторонности», которая предполагала равноправие государств при коллективном участии в решении важнейших проблем без каких-либо «полосов силы» и без «старшего брата» в лице КНР. Тем не менее в укреплении многополярного мира Китай, высоко оценивая роль Ассоциации государств Юго-Восточной Азии и особенно усилия отдельных членов АСЕАН, стал рассматривать Ассоциацию в качестве одного из потенциальных полюсов будущего мироустройства. Полностью совпадало с интересами Китая и стремление АСЕАН сохранить ЮВА в качестве мирного и нейтрального региона, свободного от доминирования какой-либо региональной или внерегиональной державы (см. об этом: [8. С. 54–60]).

### «Метод» АСЕАН

Для создания благоприятного инвестиционного климата и проведения необходимых экономических реформ большинством государств ЮВА, особенно в 1980–1990-е гг., нужна была стабильность как внутри каждого государства, так и в АТР в целом. Наибольшую обеспокоенность в этом плане проявляли страны Ассоциации государств Юго-Восточной Азии. Именно с проблемой поддержания стабильности как на национальном, так и на региональном уровнях развивающейся экономики региона связывали вопросы безопасности. В связи с этим региональная стратегия безопасности была связана со стратегией безопасности стран АСЕАН, в национальных стратегиях которых экономическая составляющая стала играть особую роль. Государства АСЕАН рассматривали экономическое сотрудничество как посреднический процесс к выстраиванию доверия в рамках региона, чтобы нейтрализовать межгосударственную напряженность и укрепить чувство общности интересов. При этом проблема безопасности регионального сотрудничества не ограничивалась только решением конфлик-

тов между государствами, включенными в региональные организации. Региональное сотрудничество выстраивалось и с целью защитить и укрепить государства-члены против тех стран, которые находились вне объединения, если от них или от противоборства между ними исходила угроза – будь то в случае с АСЕАН Советский Союз и США в эпоху холодной войны или в иные промежутки времени – Вьетнам, СССР и Китай. При этом большинство западных исследователей, анализируя причины создания АСЕАН, подчеркивали, что страны ЮВА увидели необходимость стимулировать их экономическое развитие и продвигать региональную безопасность перед лицом растущей угрозы коммунизма в Юго-Восточной Азии, ускоренной переходом к коммунизму Индокитай и декларированным намерением Запада вывести свои военные силы из региона [23. Р. 27–28; 24. Р. 3–4]. Фактически данная точка зрения совпадала с оценками российских исследователей, которые считали, что АСЕАН была основана с целью создания государствами ЮВА единого фронта, который мог бы противостоять военно-политической нестабильности в Индокитае (война в Индокитае), событиям в Китае («культурная революция»), новым политическим реалиям, связанным с уходом Великобритании из районов «к востоку от Суэца» и вовлеченностью США в военные действия на Индокитайском полуострове [3. С. 79].

В условиях завершения холодной войны, когда Соединенные Штаты высказали намерение постепенно сократить присутствие в регионе американских вооруженных сил, большинство стран региона предпочитали «сохранение в АТР статус-кво, т.е. лидерства США» [25. С. 101]. Во многом это было связано с тем, что хотя страны ЮВА благодаря стремительному экономическому развитию и обретали финансовую возможность для усиления своих военных позиций, в то же время они прекрасно понимали, что значительную долю финансирования, ранее идущую на внутреннее развитие и обеспечение «экономики роста», в сложившихся условиях придется тратить на военные нужды. На фоне растущего и пугающего своей мощью материкового Китая это становилось просто неизбежным и порождало еще одну проблему – страны региона активно занимались наращиванием и модернизацией вооружений. Малайзия закупила у США самолеты истребители FА-18-D. В то же время между Куала-Лумпуром и Дели была достигнута договоренность о техническом обслуживании истребителей МиГ-29, которые у России собиралась закупить Малайзия, и боевой подготовке их экипажей. Страны Юго-Восточной Азии проявляли особый интерес к новейшим разработкам в области вооружений России. В июне 1994 г. Малайзия заключила соглашение с Россией о закупке истребителей МиГ-29 [26. С. 55–85].

Выражая стремление сохранить присутствие Соединенных Штатов в регионе, государства ЮВА, в то же время, выражали недовольство по поводу идей построения «демократического мира» на основе западных (американских) либеральных ценностей («доктрина Клинтона»). Особенно отрицательно страны АСЕАН отнеслись к критике администрации

Б. Клинтона военного правительства Мьянмы, поскольку подобное поведение противоречило принципам АСЕАН (см. об этом более подробно: [8. С. 191–218]). Мьянма всегда играла важную роль для ЮВА. От урегулирования ситуации вокруг нее зависела, в том числе, и успешность сотрудничества региона с другими региональными объединениями и странами, которые осуществляли инвестиции в страны АСЕАН (АСЕМ – Форум «Азия – Европа», например). При этом не раз возникали ситуации, когда дальнейшее сотрудничество Ассоциации с этими странами и региональными объединениями находилось в зависимости от способности стран АСЕАН разрешать региональные конфликты, обеспечивая тем самым безопасность в регионе, и именно проблема Мьянмы была одним из ключевых вопросов в этой связи. Постепенное возвращение Мьянмы на политическую арену увеличивало её значение в региональном контексте.

Необходимость ограничить вмешательство в дела региона «великих держав» привела к избранию лидерами АСЕАН стратегии привлечения этих держав в многосторонние региональные механизмы, что позволяло поддерживать их заинтересованность в стабильном развитии региона и связывало определенными нормами поведения, выработанными в рамках Ассоциации. Эти нормы были зафиксированы в Декларации о зоне мира, свободы и нейтралитета в ЮВА (1971), Договоре о дружбе и сотрудничестве (1976) и в Договоре о создании безъядерной зоны в ЮВА (1995). При этом руководящими принципами в рамках данной стратегии стали недопущение доминирования какой-либо одной страны и выработка правил поведения самими государствами АСЕАН, а также исключение навязывания каких-либо правил извне. При помощи «пассивного сопротивления», используя многократные, но деликатные по форме отказы от строительства регионального экономического и политического сотрудничества на условиях крупных внерегиональных игроков, страны-участницы не только избежали конфликтных ситуаций с ведущими мировыми державами, но и заставили их учитывать интересы и мнение Ассоциации при решении различных вопросов [8. С. 354–360].

В своей деятельности члены Ассоциации опирались на выработанный ими «метод АСЕАН», для которого основополагающими являлись упоминавшийся уже принцип «невмешательства во внутренние дела друг друга» и консенсус. Культура политического диалога стран Ассоциации предполагала достижение консенсуса сторон исключительно путем кропотливого и долгого переговорного процесса. Лидеры Ассоциации с момента создания в 1967 г., неоднократно подчеркивая специфику своей организации, отмечали, что в силу исторических, культурных и политических причин АСЕАН склонна к далеко идущей в прошлое тенденции неформального взаимопонимания и добровольным соглашениям [27]. Подобный метод решения проблем и разногласий вполне оправдал себя при функционировании с 1993 г. Регионального форума (АРФ), созданного странами ЮВА для укрепления мира, стабильности и процветания. В этом проявился

очень важный и характерный для государств ЮВА аспект их деятельности – способность привлечь государства, находящиеся за пределами Юго-Восточной Азии, независимо от их размеров, к платформе АСЕАН для регионального сотрудничества и укрепления доверия в Восточной Азии и в Азиатско-Тихоокеанском регионе в целом. Аналогичный подход прослеживается и при выработке отношения Ассоциации к режиму нераспространения ядерного оружия и других видов оружия массового уничтожения, а также в ходе периодически обостряющейся ситуации в акватории Южно-Китайского моря, где длительное время шел спор вокруг принадлежности архипелага Спратли и еще ряда островов. После того как в июне 1995 г. в АСЕАН был принят Вьетнам (вторая страна в Юго-Восточной Азии по численности населения после Индонезии), и Ассоциация через Вьетнам «вышла» к южным границам континентального Китая, значительно изменился баланс сил в регионе. С этого момента четыре государства – члена АСЕАН (Бруней, Вьетнам, Малайзия и Филиппины), а также Тайвань стали противостоять КНР в территориальном споре, объявившей суверенитет Китая над всей акваторией Южно-Китайского моря. Во многом, благодаря усилению стран АСЕАН по вовлечению Китая в двусторонние и многосторонние связи, позиция КНР в данном вопросе становилась более умеренной и сдержанной. Так, Китай и АСЕАН договорились о соблюдении статус-кво в вопросе принадлежности Парасельских островов.

### **Возвращающаяся Россия**

Азиатская политика современной России начала формироваться с учетом трансформации глобального баланса сил и значительных изменений политической и экономической ситуации в Азиатско-Тихоокеанском регионе во второй половине 1990-х гг. Восточная Азия становилась для России перспективным стратегическим направлением продвижения на мировой рынок. Используя свое положение в качестве «евразийской» державы, РФ могла стать важным звеном мировой экономической системы, связывающим рынки Европы и стран АТР. При этом Российская Федерация поддерживала страны Восточной Азии в обеспечении региональной безопасности и стабильности. Необходимость обеспечения собственной безопасности, наряду с модернизацией регионов Восточной Сибири и Дальнего Востока, обуславливала жизненно важные политические и экономические интересы России в АТР.

Вырабатывая на рубеже веков основные положения внешнеполитической и особенно внешнеэкономической концепции Российской Федерации, во внимание бралось то, что в условиях рыночного развития и существующего многополярного мира Россия, выполняя свою евразийскую миссию и выстраивая отношения со странами Азиатско-Тихоокеанского региона, должна проводить активную политику как в европейском, так и в азиатском направлениях, поднимая политическое и экономическое сотрудничество с гос-

ударствами АТР до уровня, достигнутого Россией в Европе. На практике азиатский вектор российской внешней политики значительно отставал от потребностей и стратегических интересов России [28. С. 107]. Причины этой отсталости были связаны с началом 90-х гг. прошлого века, когда на фоне болезненных экономических реформ происходило крупномасштабное сокращение численности российских вооруженных сил на Дальнем Востоке, что приводило к пассивности российского присутствия в регионе. В связи с этим значительно снизилась способность России выступать сдерживающим фактором по отношению к отстаивающим свое лидерство Соединенным Штатам и Китаю. В то же время ситуация в АТР складывалась весьма неопределенно, что пугало восточноазиатские страны даже больше, чем опасения по поводу амбиций России в регионе и угрозы миру и стабильности с ее стороны. Подобный подход означал глубокую трансформацию отношения стран региона к России после холодной войны [29. С. 107].

В новых условиях, когда «...скорейший и продуктивный разворот “в сторону Азии” – неперемное условие сохранения статуса страны, с которой реально считаются в мире» [30], РФ особо выделяла стремления стран ЮВА по обеспечению безопасности и стабильности в регионе. Россия активно поддерживала инициативу АСЕАН по созданию АРФ. Она считала, что АРФ является эффективным механизмом укрепления стабильности в АТР и способствует осуществлению концепции многополярного мира. Это также касалось и усилий АСЕАН по созданию в Юго-Восточной Азии зоны, свободной от ядерного оружия, рассматривая их как реальный вклад в укрепление режима нераспространения ядерного оружия и упрочение региональной и глобальной безопасности. В 2003 г. министры иностранных дел РФ и АСЕАН подписали совместную Декларацию о партнерстве в деле мира и безопасности, процветания и развития в АТР. В 2004 г. Россия присоединилась к Договору о дружбе и сотрудничестве в Юго-Восточной Азии [31]. В феврале 2011 г. Россия также официально стала полноправным участником созданного в декабре 2005 г. по инициативе АСЕАН Восточноазиатского сообщества (ВАС), к которому помимо стран Ассоциации присоединились Южная Корея, Китай, Япония, Австралия, Новая Зеландия, Индия, а затем и США [Ibid. P. 2]. Сообщество создавалось с целью укрепления мира, стабильности и экономического процветания в АТР. В связи с этим большее внимание Россия стала уделять созданию многосторонней системе сотрудничества и безопасности во всем Восточноазиатском регионе.

Во многом это было связано с тем, что к началу XXI в. в Восточной Азии все чаще давали о себе знать территориальные споры между странами Юго-Восточной и Северо-Восточной Азии, которые длительное время находились в замороженном состоянии. Несмотря на то что Россия и Япония договорились о разделении вопросов принадлежности «северных территорий» и развитии российско-японских политических и экономических отношений, а также в

российско-китайских отношениях велась «техническая» работа по урегулированию вопроса пограничного размежевания вблизи Хабаровска, время от времени обострялись территориальные споры между Японией и Китаем, Японией и Южной Кореей. Но, как правило, такие споры не выходили за рамки краткосрочных дипломатических «мини-войн», и в Восточной Азии получал распространение подход, согласно которому территориальные конфликты могут быть смягчены посредством совместного освоения спорных территорий и окончательно разрешены путем создания единого восточноазиатского экономического пространства (проект ВАС).

Кроме того, в первое десятилетие XXI в. особо остро встала проблема угрозы распространения ядерного оружия. Наибольшую опасность в этом плане представляла ситуация на Корейском полуострове. С 1993 по 2013 г. КНДР произвела пять испытательных пусков ракет средней дальности и космических ракет-носителей разных типов. Правда, проведение испытаний затруднялось тем, что в 1999 г. КНДР под международным давлением и в обмен на обещания помощи объявила мораторий на испытания ракетного оружия, за исключением ракет малой дальности. Для решения северокорейской ядерной проблемы были запущены два политических форума: «Диалог сотрудничества СВА» с участием США и стран СВА, включая Россию и КНДР, но без Монголии, и Совет по проблемам безопасности и сотрудничества в Тихоокеанской Азии с участием представителей стран – участниц формата АРФ. Наибольшим успехом «Диалога сотрудничества СВА» стал запуск в августе 2003 г. официального шестистороннего формата переговоров по Северной Корее в Пекине с участием Китая, США, Японии, России, Южной и Северной Кореи. И хотя официальные переговоры «шестерки» не выросли непосредственно из «Диалога сотрудничества СВА», именно конференции в октябре 2002 г. в Москве и в августе 2003 г. в Пекине с участием северокорейцев показали, что полный шестисторонний формат может существовать. Китайское и южнокорейское руководство, а также российские эксперты продвигали идею сохранения этого формата и после урегулирования кризиса в Северной Корее для решения других проблем безопасности в СВА, прежде всего связанных с новыми угрозами.

В 2006 г. Пхеньян провел первый подземный взрыв ядерного устройства, что свидетельствовало о малой эффективности существующих политических и военно-силовых средств для противодействия распространению ядерного оружия. Тем не менее в 2007 г. состоялись шестисторонние переговоры КНДР, Республики Корея, Китая, Японии, России и США и было достигнуто соглашение о поэтапном выполнении КНДР мер по денуклеаризации. Тогда же были остановлены реакторы в Йонбене [32]. В принципе, шестисторонние переговоры по северокорейской ядерной проблеме могли стать шагом к созданию многосторонней системы безопасности в регионе, а сама северокорейская ядерная программа – своеобразной «экспериментальной площадкой» для координации действий участвующих сторон в области безопасности в АТР



[2. С. 110]. Но КНДР рассматривала ядерную программу прежде всего как средство получения от Соединенных Штатов финансовой помощи и гарантий безопасности. США не просто так в течение многих лет «закрывали глаза на Северную Корею, помогли ей создать атомную промышленность и даже позволили (в отличие от того же Ирака) заполучить ядерное оружие». Пхеньян служил для «Вашингтона “полезным врагом”, угрозой, которая является предлогом для американского военного присутствия на юге от Китая... Задача такого “азиатского пояса” заключается не только в противодействии северокорейской угрозе (реальная опасность, но в то же время и предлог для сохранения американских баз), но и в окружении настоящего геостратегического врага США – Китая, который входит вместе с Россией в Шанхайскую организацию сотрудничества – альянс бывших советских республик и Китая, направленный против американской гегемонии» [33. С. 110].

На протяжении последних десятилетий КНДР много раз обещала нанести сокрушительный удар по Южной Корее. КНДР объявляла военное положение, проводила мобилизацию армии и крупномасштабные учения. Как правило, Северная Корея чередовала периоды провокаций с периодами снижения напряженности, когда Корея под давлением Китая соглашалась вернуться за стол переговоров об отказе от ядерного оружия на полуострове. Будучи крупнейшим экономическим спонсором Северной Кореи, Пекин на протяжении многих лет предоставлял этому режиму экономическую помощь и обеспечивал дипломатическую защиту от Соединенных Штатов и прочих государств. Постепенно для Китая Северная Корея стала весьма беспокойным союзником, который все чаще ставил его в крайне неудобное положение. Поэтому Китай оказался в трудной ситуации. С одной стороны, он хотел бы встать в один ряд с другими нациями, с другой – он не мог бросить своего союзника. При этом Северная Корея не подчинялась никакому диктату, даже со стороны Китая, и ему не удавалось диктовать что бы то ни было режиму Пхеньяна. В 2010 г. произошли два военных инцидента – потопление северокорейской подводной лодкой южнокорейского корвета «Чхонан» и обстрел острова Ёнпхёнд. В феврале 2013 г. тон ужесточился. Отчасти из-за нового руководства. Ким Чен Ёну важно было укрепить свои позиции и власть, так как в этом регионе все руководители оказались новыми: новая власть в Китае, новый президент в Южной Корее, новый премьер-министр в Японии [34].

Третье по счету ядерное испытание, проведенное Пхеньяном в феврале 2013 г., привело к усилению санкций со стороны ООН и угрозам ответных действий со стороны Пхеньяна, что заставило международное сообщество взглянуть на Северную Корею более серьезно, чем просто как на торгующуюся «попрошайку» [35]. В сочетании с третьими ядерными испытаниями и запуском спутника несколькими месяцами ранее действия КНДР, в частности угрозы применения ядерного оружия по континентальной части США, закрепление ядерного статуса в конституции и

возобновление работы реактора по наработке плутония в Йонбене, имели необратимые последствия не только для Азии, но и для всего мира. Многие были обеспокоены тем, что неизвестно, является ли Северная Корея полноценной ядерной державой и располагает ли она готовым к применению ядерным оружием, а также имеется ли у КНДР боеголовка, которая может быть применена баллистической ракетой межконтинентальной дальности [36].

Из официальных заявлений КНДР следовало, что страна располагает межконтинентальными баллистическими ракетами, оснащенными ядерными боеголовками. Но неизвестно, есть ли у КНДР ядерное оружие с урановым боезарядом и остается загадкой, почему КНДР отказалась от своей программы по производству плутония и вместо этого сделала своим приоритетом обогащение урана. Может быть, это связано с тем, что обнаруженный в 2010 г. комплекс не единственный, а комплексы по обогащению урана легче спрятать? Кроме того, некоторые типы урановых боеголовок производить легче, чем другие виды ядерных вооружений. Есть предположение, что Северная Корея закупила технологии для производства оружия, основанного на обогащенном уране, у пакистанских поставщиков, которые продали ядерные технологии Ливии и Ирану [37]. Известно также, что северокорейская ракетная программа развивается совместно с иранской и пакистанской и часть испытаний могли пройти на территории этих стран.

После объявленной в ноябре 2011 г. администрацией президента Б. Обамы «перебалансировке» стратегии от «войн на Ближнем Востоке в Азиатско-Тихоокеанский регион», предполагающей, прежде всего, «затягивание петли» вокруг Китая, новый стратегический баланс, или «разворот», планировалось обеспечить «комплексом дипломатических, экономических, бюджетных и касающихся вопросов безопасности инициатив...» [20]. Но в связи с угрозами КНДР нанести ядерный удар по Соединенным Штатам и Республике Корея автоматически запускался механизм превентивных действий, направленных на предупреждение ядерного удара со стороны Северной Кореи. Это стало хорошим предлогом для усиления военного присутствия Соединенных Штатов в регионе. Весной 2013 г. США заявили об усилении противоракетной обороны на Аляске за счет 14 ракет-перехватчиков к 2017 г. [34]. Кроме того, не веря в скорейшее исчезновение угрозы атаки со стороны Северной Кореи, США намеревались разместить высокотехнологичную систему ПРО на островах в Тихом океане, чтобы защитить расположенные там американские военные базы [38. С. 110]. Все это неизбежно сопровождалось применением разведывательных механизмов на Корейском полуострове в районе КНДР, т.е. недалеко от Северо-Восточного Китая и российского Дальнего Востока.

В апреле 2014 г. Б. Обама посетил четыре крупнейших страны в АТР – Японию, Южную Корею, Малайзию и Филиппины. Эта поездка была задумана как подтверждение окончательного «разворота» США в Азию. Как показала поездка, «хозяйева», т.е. «Япо-

ния, Южная Корея, Малайзия и Филиппины получили от посещения американского президента гораздо больше, чем они предложили ему» [39]. Всем четырем правительствам необходима была военная и дипломатическая поддержки США из-за страха перед растущим Китаем. В случае Японии и Южной Кореи к этому можно было добавить и угрозы, исходящие от Северной Кореи. Кроме того, Японию и Филиппины беспокоила прямая конфронтация с Китаем по вопросу о спорных островах и отмелях, соответственно, в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях.

Наряду с этим в ходе украинских событий весны 2014 г. США начали резкий «разворот» в сторону Европы и «затягивание петли» вокруг России. Ввод Западом экономических санкций против России в связи с присоединением Крыма и фактически объявление Белым домом, спустя почти четверть века после распада СССР, новой холодной войны против России в апреле 2014 г., невольно усилили российский «разворот в Азию», в частности в Азиатско-Тихоокеанский регион. Вполне оправданным и обоснованным в связи с этим выглядело стремление к стратегическому сближению России и Китая, которые на современном этапе формируют мощный геополитический центр силы, функционирующий на основе принципов и механизмов, устраивающих все стороны, а не только американскую или европейскую. В то же время в новых условиях России необходимо исходить из своих национальных интересов. Особенно это актуально в случае с Китаем, который прежде всего думает о своих национальных интересах, и Россия вполне может войти в зону его интересов и влияния. В этой связи, развивая отношения с Китаем, России не надо забывать и о Республике Корея, Японии (несмотря на ее стратегический союз с США), странах ЮВА, Индии. Китайское руководство явно стремится изменить существующую международную систему с учетом соб-

ственных стратегических интересов с помощью развивающихся стран и России. Это прослеживается в ходе работы Шанхайской организации сотрудничества и стран БРИКС, запустивших создание Банка развития БРИКС в противовес деятельности МВФ, который полностью контролируется Вашингтоном.

Несмотря на то что подписанное в мае 2014 г. в Шанхае соглашение о поставках в Китай российского газа и укрепление позиций России на перспективном китайском рынке стали геополитическим успехом, реальная экономическая выгода для России до сих пор не совсем ясна. В данном случае Россия больше выигрывает в идеологическом плане, нежели в экономическом. Китайское руководство не считает Россию равноправным партнером и, несмотря на тот факт, что Пекин часто критикует Запад за ту иронию, которая нередко наблюдается в отношении происходящего в России и ее явную недооценку, часто в китайских средствах массовой информации можно проследить аналогичное отношение. При этом Китай считает именно себя лидером «номер один» в Восточной Азии. Кроме того, хотя китайское руководство и признает, что Россия успешно противостоит идеологической гегемонии Запада, критикуя его за стремление навязать свои демократические стандарты и представления о правах человека и т.д., тем не менее Пекин прекрасно понимает, что существующие правила глобальной системы устанавливаются все-таки на Западе. И именно эта система позволила Китаю расти в последние два десятилетия и стать второй экономикой мира.

Однако в тех случаях, когда язык ультиматумов и санкции все чаще используется в мире, а «нежелательные режимы» стран, которые выбирают независимую политику или стоят на пути чьих-либо интересов, дестабилизируются или свергаются вовсе, аналогичные стратегические партнерские отношения объяснимы и оправданны [40].

## ЛИТЕРАТУРА

1. Богатуров А.Д. Великие державы на Тихом океане. История и теория международных отношений в Восточной Азии после Второй мировой войны (1945–1995). М., 1997. 353 с.
2. Лицарева Е.Ю. Система безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе на рубеже веков и в первое десятилетие XXI в. Позиция России // Национальные приоритеты России. Омский научный вестник. 2014. № 2 (12). С. 106–112.
3. Михеев В.В. Глобализация и азиатский регионализм. Вызовы для России. М.: Институт Дальнего Востока, 2001. 219 с.
4. Soogil Y. Prospects for East Asia Community // The Trilateral Commission. 2006. P. 60–64. URL: [http://www.trilateral.org/download/file/annual\\_meeting/eastasia\\_prospects.pdf](http://www.trilateral.org/download/file/annual_meeting/eastasia_prospects.pdf) (дата обращения: 04.01.2015).
5. Лицарева Е.Ю. Экономическая интеграция на Европейском континенте и в Азиатско-Тихоокеанском регионе во второй половине XX в. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2004. 222 с.
6. Kupchan Ch. From Enmity to Amity: Trust's Part in US Foreign Policy // Global Asia. A JOURNAL OF THE EAST ASIA FOUNDATION. 2013. Vol. 8, № 3. fall. URL: <http://www.globalasia.org/Issue/ArticleDetail/458/From-Enmity-to-Amity:-Trust%D0%B1%D0%BFs-Part-in-US-Foreign-Policy-.html> (дата обращения: 14.12.2015).
7. Лицарева Е.Ю. История стран Азии и Африки новейшего времени. 1945–2000 г.: учеб. пособие. Томск, 2001. 102 с.
8. Кобелев Е.В., Локшин Г.М., Малетин Н.П. АСЕАН в начале XXI века. Актуальные проблемы и перспективы. М.: ФОРУМ, 2010. 368 с.
9. A National Security Strategy of Engagement and Enlargement. The White House. 1995. February // The Air University. URL: <http://www.au.af.mil/au/awc/awcgate/nss/nss-95.pdf> (дата обращения: 11.05.2015).
10. Joshua P. The U.S.-Japan Security Alliance, ASEAN, and The South China Sea Dispute // Asian Survey. 2005. Vol. XLV, № 3. May/June. URL: <http://community.middlebury.edu/~scs/docs/Rowan,%20US-Japan,%20ASEAN,%20%26%20SCS%20Dispute,%20Asian%20Survey.pdf> (дата обращения: 10.05.2015).
11. Parameswaran P. ASEAN leaders to weigh counterterrorism agenda/ Agence France-Presse // ASSOCIATION OF SOUTHEAST ASIAN NATIONS. 2002. November 1. URL: <http://www.aseansec.org/twt/twt1.htm> (дата обращения: 15.06.2015).
12. Sukma R. US Policy Towards Southeast Asia: a New Paradigm? / Presented at the 24<sup>th</sup> Asia-Pacific Roundtable. Kuala Lumpur // ISIS. 2010. June 7–9. URL: [http://www.isis.org.my/files/24APRWEB/Rizal\\_Sukma.pdf](http://www.isis.org.my/files/24APRWEB/Rizal_Sukma.pdf) (дата обращения: 16.09.2015).
13. Петров Д.В. Внешняя политика Японии в 1975 г. // Япония 1976. Ежегодник. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1977. 321 с.

14. Jawhar H. ASEAN's Political and Security Relations with Japan / ASEAN-Japan Cooperation: A Foundation for East Asian Community // Japan Center for International Exchange. 2003. P. 145–153. URL: [http://www.jcie.org/researchpdfs/ASEAN/asean\\_jawhar.pdf](http://www.jcie.org/researchpdfs/ASEAN/asean_jawhar.pdf) (дата обращения: 05.01.2015).
15. Masashi N. Japan's Political and Security Relations with ASEAN/ASEAN-Japan Cooperation: A Foundation for East Asian Community // Japan Center for International Exchange. 2003. P. 154–167. URL: [http://www.jcie.org/researchpdfs/ASEAN/asean\\_nishihara.pdf](http://www.jcie.org/researchpdfs/ASEAN/asean_nishihara.pdf) (дата обращения: 05.01.2015).
16. Siew Man. Japan's Grand Strategic Shift from Yoshida to Koizumi: Reflections on Japan's Strategic Focus in the 21<sup>st</sup> Century // *Akademika* 70. 2007. January. URL: [http://www.ukm.my/penerbit/akademika/ACROBATAKADEMIKA70/akademika70\[07\].pdf](http://www.ukm.my/penerbit/akademika/ACROBATAKADEMIKA70/akademika70[07].pdf) (дата обращения: 05.01.2015).
17. Sudo S. Japan's ASEAN Policy: Reactive or Proactive in the Face of a Rising China in East Asia? // *Asian Perspective*. 2009. Vol. 33, № 1. URL: <http://www.asianperspective.org/articles/v33n1-e.pdf> (дата обращения: 24.04.2015).
18. Yaqing Q. Prospects for East Asia Community // The Trilateral Commission. 2006. P. 54–60. URL: [http://www.trilateral.org/download/file/annual\\_meeting/eastasia\\_prospects.pdf](http://www.trilateral.org/download/file/annual_meeting/eastasia_prospects.pdf) (дата обращения: 04.01.2015).
19. Китай готовится к захвату мира? («Atlantico», Франция) // *inoСМИ.Ru*. URL: <http://inosmi.ru/world/20130506/208752909.html#ixzz2SWpnz7Ja> (дата обращения: 15.09.2015).
20. McDevitt M. America's New Security Strategy and Its Military Dimension//*Global Asia. A JOURNAL OF THE EAST ASIA FOUNDATION*. 2012. Vol.7.N.4.winter. URL: <http://www.globalasia.org/Issue/ArticleDetail/61/americas-new-security-strategy-and-its-military-dimension.html> (дата обращения: 16.09.2015).
21. Palanca E. China's Economic Growth: Implications to the ASEAN // *Philippine Institute for Development Studies, Policy notes*. 2002. № 2002-04. May. URL: <http://unpan1.un.org/intradoc/groups/public/documents/apcity/unpan005055.pdf> (дата обращения: 25.06.2015).
22. Joint Declaration of the Heads of State/Government of the Association of Southeast Asian Nations and the People's Republic of China on Strategic Partnership for Peace and Prosperity. Bali. 2003. October 8 // *ASSOCIATION OF SOUTHEAST ASIAN NATIONS*. URL: <http://www.aseansec.org/15265.htm> (дата обращения: 25.06.2015).
23. Ravenhill J. *APEC and the Construction of Pacific Rim Regionalism*. Cambridge Univ. Press, 2000. 294 p.
24. Tongzon Jose L. *The economies of Southeast Asia. Before and after the crisis*. Second edition. Cheltenham, UK, Northampton, MA, USA, 2002. 308 p.
25. Воскресенский А.Д. Восток/Запад. Региональные подсистемы и региональные проблемы международных отношений. М. : РОССПЭН, 2002. 527 с.
26. Ключанская С. Перспективы сотрудничества России и стран Юго-Восточной Азии в стратегических областях // *Индекс Безопасности*. 2011. Т. 17, № 2 (97). С. 55–85.
27. Will ASEAN Be Like the EU? Remarks by Rodolfo C. Severino, Secretary-General of the Association of Southeast Asian Nations at the European Policy Center. Brussels. 2001. March 23.
28. Никонов В. Тихоокеанская стратегия России // *Стратегия России*. 2010. № 8. URL: [http://sr.fondedin.ru/new/fullnews\\_arch\\_to.php?subaction=showfull&id=1283252871&archive=1283252977&start\\_from=&ucat=14&](http://sr.fondedin.ru/new/fullnews_arch_to.php?subaction=showfull&id=1283252871&archive=1283252977&start_from=&ucat=14&) (дата обращения: 05.01.2015).
29. *Engaging Russia in Asia Pacific* / ed. Koji Watanabe // Japan Center for International Exchange. URL: <http://www.jcie.or.jp/books/abstracts/E/engaging.html> (дата обращения: 05.01.2015).
30. Россия и АТР: концептуальные основы политики в области безопасности и развития // *Российский Совет по международным делам*. URL: [http://russiancouncil.ru/projects/project/?PROJECT\\_ID\\_4=6&from=wp11#top](http://russiancouncil.ru/projects/project/?PROJECT_ID_4=6&from=wp11#top) (дата обращения: 19.12.2015).
31. О присоединении России к Договору о дружбе и сотрудничестве в Юго-Восточной Азии (Балийский договор) 1976 года // Министерство иностранных дел Российской Федерации: официальный сайт. URL: <http://www.mid.ru/bdomp/ns-rasia.nsf/3a0108443c964002432569e7004199c0/432569d80021985fc3256ee00036b0c8!OpenDocument> (дата обращения: 19.12.2015).
32. Pongvutitham A. Asean urged to speed integration // *The Nation. Business (Local)*. 2006. February 6.
33. КНДР считает себя ядерной державой. ООН призывает к диалогу // *Euronews*. URL: <http://ru.euronews.com/2013/04/02/ban-ki-moon-nuclear-threats-not-a-game> (дата обращения: 15.09.2015).
34. Дель Валь А. Северная Корея: двойная игра США? (*Atlantico*, Франция) // *inoСМИ.Ru*. URL: <http://inosmi.ru/world/20130408/207833099.html> (дата обращения: 15.09.2015).
35. Северная Корея: чего добивается Ким Чен Ын? // *Euronews*. URL: <http://ru.euronews.com/2013/03/27/north-korea-in-nuclear-hysterics> (дата обращения: 15.09.2015).
36. Mansourov A. The Rubik's Cube of North Korea Can Be Solved With Creative Thinking // *Global Asia. A JOURNAL OF THE EAST ASIA FOUNDATION*. 2013. Vol. 8, № 3. fall. URL: <http://www.globalasia.org/Issue/ArticleDetail/456/The-Rubik%20%D0%B1%D0%BFs-Cube-of-North-Korea-Can-Be-Solved-With-Creative-Thinking.html> (дата обращения: 15.09.2015).
37. Какую форму может принять конфликт на Корейском полуострове? (*Atlantico*, Франция) // *inoСМИ.Ru*. URL: <http://inosmi.ru/world/20130405/207720117.html> (дата обращения: 15.09.2015).
38. Фицпатрик М. Перезапуск Йонбена: КНДР на острие ядерной игры // *BBC. Русская служба*. URL: [http://www.bbc.co.uk/russian/international/2013/04/130402\\_nkorea\\_yongbyon\\_analysis.shtml](http://www.bbc.co.uk/russian/international/2013/04/130402_nkorea_yongbyon_analysis.shtml) (дата обращения: 15.09.2015).
39. Барнс Д., Энтус А. США разместят систему ПРО на Гуаге // *inoСМИ.Ru (The Wall Street Journal, США)*. URL: <http://inosmi.ru/world/20130404/207688071.html> (дата обращения: 16.09.2015).
40. America in Asia. Pivotal. Asians got more from the American president than he got from them // *The Economist*. URL: <http://www.economist.com/news/asia/21601560-asians-got-more-american-president-he-got-them-pivotal> (accessed: 21.05.2015).
41. Стенограмма выступления Президента // *Российская газета RG.RU*. 23.07.2014. URL: <http://www.rg.ru/2014/07/23/stenogramma.html> (accessed: 23.07.2015).

Статья представлена научной редакцией «История» 2 февраля 2016 г.

## REGIONAL AND NATIONAL APPROACHES TO EAST ASIA'S SECURITY AT THE TURN OF THE CENTURIES

*Tomsk State University Journal*, 2016, 405, 101–113. DOI: 10.17223/15617793/405/13

**Litsareva Elena Yu.** Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: [elits2011@mail.ru](mailto:elits2011@mail.ru)

**Keywords:** East Asia; security; confrontation.

Security issues in the region after the cold war have been limited to the maintenance of stability at both the regional and national levels. Much of this was because for a long time East Asia was the only world region with the domination of the economic regional ties and did not actually increase the influence of the military factor. Regional security, freedom and prosperity were directly dependent on the “postmodern” principles of negotiations, compromises and economic cooperation. Most regional countries, paying tribute to the traditional relations and retaining the tradition, were turned into “postmodernist” states that, unlike states operating force categories, invested significant economic potential not into the militarization, but into the welfare strengthening and developing the sub-

regional and regional integration organizations. With the collapse of the bipolar world, one of the tension sources in East Asia was a struggle for the political leadership. The fight was against the backdrop of the rapid economic and military growth of China, strengthening its relations with ASEAN, and China's greater role in the North Korean nuclear crisis. All this happened while reducing the weight of Russia in the 1990s and lacking of the United States' clear position regarding the determination of the Asia-Pacific region's place in its foreign policy strategy. Despite the common interest of the parties in preserving stability in the region, there were several features of East Asian security ensuring: the problem of American military bases, the triangle of the Japanese security system: "economic security" – "national security" – "regional security", China's factor, the "method" of ASEAN, and Russia's returning. The confrontation at the Korean peninsula in the spring of 2013 showed that North Korea and North Korea's threats of nuclear attack on the United States and the Republic of Korea were the pretext for the concentration of the American military power and presence of the intelligence assets in the region not so far from the Northeast China and the Russian Far East. Therefore, the purpose of such an "Asian belt" was not only to counter the North Korean threat and maintain the American bases, but also to surround the main geo-strategic enemy of the United States – China. However, for the United States' administration it seemed insufficient to "surround" and "tighten the belt" around China, it began a sharp turn towards Europe for "tightening the belt" around Russia. Analysis of the international political situation in the Asia-Pacific region shows that there are significant changes here; and these changes are largely connected with significant changes in the global balance of powers. In the course of the Ukrainian events (spring 2014) and the West's economic sanctions against Russia in connection with the accession of the Crimea, the Russian "pivot" toward Asia, in particular East Asia, looks entirely justified and reasonable.

#### REFERENCES

1. Bogaturov, A.D. (1997) *Velikie derzhavy na Tikhom okeane. Istoriya i teoriya mezhdunarodnykh otnosheniy v Vostochnoy Azii posle Vtoroy mirovoy voyny (1945–1995)* [The Great Powers in the Pacific. History and theory of international relations in East Asia after the Second World War (1945–1995)]. Moscow: Konvert - MONF.
2. Litsareva, E.Yu. (2014) Sistema bezopasnosti v Aziatsko-Tikhookeanskom regione na rubezhe vekov i v pervoe desyatiletie XXI v. Pozitsiya Rossii [The security system in the Asia-Pacific region at the turn of the century and in the first decade of the 21st century. The position of Russia]. *Natsional'nye priority Rossii. Omskiy nauchnyy vestnik*. 2 (12). pp. 106–112.
3. Mikheev, V.V. (2001) *Globalizatsiya i aziatskiy regionalizm. Vyzovy dlya Rossii* [Globalization and Asian regionalism. Challenges to Russia]. Moscow: Institut Dal'nego Vostoka.
4. Soogil, Y. (2006) Prospects for East Asia Community. In: *The Trilateral Commission*. [Online]. Available from: [http://www.trilateral.org/download/file/annu-al\\_meeting/eastasia\\_prospects.pdf](http://www.trilateral.org/download/file/annu-al_meeting/eastasia_prospects.pdf). (Accessed: 04 January 2015).
5. Litsareva, E.Yu. (2004) *Ekonomicheskaya integratsiya na Evropeyskom kontinente i v Aziatsko-Tikhookeanskom regione vo vtoroy polovine XX v.* [Economic integration in the European continent and in the Asia-Pacific region in the second half of the twentieth century]. Tomsk: Tomsk State University.
6. Kupchan, Ch. (2013) From Enmity to Amity: Trust's Part in US Foreign Policy. *Global Asia. A Journal of the East Asia Foundation*. 8:3. Fall. [Online]. Available from: <http://www.globalasia.org/Issue/ArticleDetail/458/From-Enmity-to-Amity:-Trust%D0%B1%D0%BFs-Part-in-US-Foreign-Policy-.html>. (Accessed: 14 December 2015).
7. Litsareva, E.Yu. (2001) *Istoriya stran Azii i Afriki noveyshego vremeni. 1945–2000 g.* [History of Asia and Africa of modern times. 1945–2000]. Tomsk: Tomsk State University.
8. Kobleev, E.V., Lokshin, G.M. & Maletin, N.P. (2010) *ASEAN v nachale XXI veka. Aktual'nye problemy i perspektivy* [ASEAN at the beginning of the 21st century. Urgent problems and prospects]. Moscow: FORUM.
9. The Air University. (1995) *A National Security Strategy of Engagement and Enlargement*. The White House. February. [Online]. Available from: <http://www.au.af.mil/au/awc/awgate/nss/nss-95.pdf>. (Accessed: 11 May 2015).
10. Joshua, P. (2005) The U.S.-Japan Security Alliance, ASEAN, and The South China Sea Dispute. *Asian Survey*. XLV:3. May/June. [Online]. Available from: <http://community.middlebury.edu/~scs/docs/Rowan,%20US-Japan,%20ASEAN,%20%26%20SCS%20Dispute,%20Asian%20Survey.pdf>. (Accessed: 10.05.2015). DOI: 10.1525/as.2005.45.3.414
11. Parameswaran, P. (2002) ASEAN leaders to weigh counterterrorism agenda. *Agence France-Presse. Association of Southeast Asian Nations*. November 1. [Online]. Available from: <http://www.aseansec.org/twt/twt1.htm>. (Accessed: 15 June 2015).
12. Sukma, R. (2010) US Policy Towards Southeast Asia: a New Paradigm? *ISIS*. June 7–9. [Online]. Available from: [http://www.isis.org.my/files/24APRWEB/Rizal\\_Sukma.pdf](http://www.isis.org.my/files/24APRWEB/Rizal_Sukma.pdf). (Accessed: 16.09.2015).
13. Petrov, D.V. (1977) Vneshnyaya politika Yaponii v 1975 g. [Foreign policy of Japan in 1975]. In: *Yaponiya 1976. Ezhegodnik* [Japan 1976. A Yearbook]. Moscow: Nauka.
14. Jawhar, H. (2003) *ASEAN's Political and Security Relations with Japan / ASEAN-Japan Cooperation: A Foundation for East Asian Community*. [Online]. Available from: [http://www.jcie.org/researchpdfs/ASEAN/asean\\_jawhar.pdf](http://www.jcie.org/researchpdfs/ASEAN/asean_jawhar.pdf). (Accessed: 05 January 2015).
15. Masashi, N. (2003) *Japan's Political and Security Relations with ASEAN/ASEAN-Japan Cooperation: A Foundation for East Asian Community*. [Online]. Available from: [http://www.jcie.org/researchpdfs/ASEAN/asean\\_nishihara.pdf](http://www.jcie.org/researchpdfs/ASEAN/asean_nishihara.pdf). (Accessed: 05 January 2015).
16. Siew Man. (2007) Japan's Grand Strategic Shift from Yoshida to Koizumi: Reflections on Japan's Strategic Focus in the 21st Century. *Akademika 70*. January. [Online]. Available from: [http://www.ukm.my/penerbit/akademika/ACROBATAKADEMIKA70/akademika70\[07\].pdf](http://www.ukm.my/penerbit/akademika/ACROBATAKADEMIKA70/akademika70[07].pdf). (Accessed: 05 January 2015).
17. Sudo, S. (2009) Japan's ASEAN Policy: Reactive or Proactive in the Face of a Rising China in East Asia? *Asian Perspective*. 33:1. [Online]. Available from: <http://www.asianperspective.org/articles/v33n1-e.pdf>. (Accessed: 24 April 2015).
18. Yaqing, Q. (2006) Prospects for East Asia Community. *The Trilateral Commission*. [Online]. Available from: [http://www.trilateral.org/download/file/annual\\_meeting/eastasia\\_prospects.pdf](http://www.trilateral.org/download/file/annual_meeting/eastasia_prospects.pdf). (Accessed: 04 January 2015).
19. InoSMI.Ru. (2013) *Kitay gotovitsya k zakhvatu mira? ("Atlantico", Frantsiya)* [Is China preparing to take over the world? (Atlantico, France)]. [Online]. Available from: <http://inosmi.ru/world/20130506/208752909.html#ixzz2SWpznz7Ja>. (Accessed: 15 September 2015).
20. McDevitt, M. (2012) America's New Security Strategy and Its Military Dimension. *Global Asia. A Journal of the East Asia Foundation*. 7:4. Winter. [Online]. Available from: <http://www.globalasia.org/Issue/ArticleDetail/61/americas-new-security-strategy-and-its-military-dimension.html>. (Accessed: 16 September 2015).
21. Palanca, E. (2002) China's Economic Growth: Implications to the ASEAN. *Philippine Institute for Development Studies, Policy notes*. 2002-04. May. [Online]. Available from: <http://unpan1.un.org/intradoc/groups/public/documents/apcity/unpan005055.pdf>. (Accessed: 25 June 2015).
22. Association of Southeast Asian Nations. (2003) *Joint Declaration of the Heads of State/Government of the Association of Southeast Asian Nations and the People's Republic of China on Strategic Partnership for Peace and Prosperity*. Bali. October 8. [Online]. Available from: <http://www.aseansec.org/15265.htm>. (Accessed: 25 June 2015).
23. Ravenhill, J. (2000) *APEC and the Construction of Pacific Rim Regionalism*. Cambridge Univ. Press.
24. Tongzon, J.L. (2002) *The economies of Southeast Asia. Before and after the crisis*. 2nd edition. Cheltenham, UK, Northampton, MA, USA.

25. Voskresenskiy, A.D. (2002) *Vostok/Zapad. Regional'nye podsystemy i regional'nye problemy mezhdunarodnykh otnosheniy* [East / West. Regional subsystems and regional issues of international relations]. Moscow: ROSSPEN.
26. Klyuchanskaya, S. (2011) Perspektivy sotrudnichestva Rossii i stran Yugo-Vostochnoy Azii v strategicheskikh oblastiakh [Prospects of cooperation of Russia and South-East Asia in strategic areas]. *Indeks Bezopasnosti*. 17:2 (97). pp. 55–85.
27. Association of Southeast Asian Nations at the European Policy Center. (2001) *Will ASEAN Be Like the EU?* Remarks by Rodolfo C. Severino, Secretary-General of Brussels. March 23.
28. Nikonov, V. (2010) Tikhookeanskaya strategiya Rossii [The Pacific Strategy of Russia]. *Strategiya Rossii*. 8. [Online]. Available from: [http://sr.fondedin.ru/new/fullnews\\_arch\\_to.php?subaction=showfull&id=1283252871&archive=1283252977&start\\_from=&ucat=14&](http://sr.fondedin.ru/new/fullnews_arch_to.php?subaction=showfull&id=1283252871&archive=1283252977&start_from=&ucat=14&). (Accessed: 05 January 2015).
29. Watanabe, K. (ed.) (n.d.) *Engaging Russia in Asia Pacific*. Japan Center for International Exchange. [Online]. Available from: <http://www.jcie.or.jp/books/ab-stracts/E/engaging.html>. (Accessed: 05 January 2015).
30. Russian Council on International Affairs. (n.d.) *Rossiya i ATR: kontseptual'nye osnovy politiki v oblasti bezopasnosti i razvitiya* [Russia and the Asia-Pacific region: conceptual bases of security policy and development]. [Online]. Available from: [http://russiancouncil.ru/projects/project/?PROJECT\\_ID\\_4=6&from=wp11#top](http://russiancouncil.ru/projects/project/?PROJECT_ID_4=6&from=wp11#top). (Accessed: 19 December 2015).
31. Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation: the official site. (2004) *O prisoedinenii Rossii k Dogovoru o družbe i sotrudnichestve v Yugo-Vostochnoy Azii (Baliyskiy dogovor) 1976 goda* [Russia's accession to the Treaty of Amity and Cooperation in Southeast Asia (Bali Treaty) of 1976]. [Online]. Available from: <http://www.mid.ru/bdomp/ns-rasia.nsf/3a0108443c964002432569e7004199c0/432569d80021985fc3256ee00036b0c8!>. (Accessed: 19 December 2015).
31. Pongvutitham, A. (2006) ASEAN urged to speed integration. *The Nation. Business (Local)*. February 6.
32. Euronews. (2013) *KNDR schitaet sebya yadernoy derzhavoy. OON prizyvaet k dialogu* [The DPRK considers itself a nuclear power. UN calls for dialogue]. [Online]. Available from: <http://ru.euronews.com/2013/04/02/ban-ki-moon-nuclear-threats-not-a-game>. (Accessed: 15 September 2015).
33. Del Val, A. (2013) *Severnaya Koreya: dvoynaya igra SShA? (Atlantico, Frantsiya)* [North Korea: US double game? (Atlantico, France)]. [Online]. Available from: <http://inosmi.ru/world/20130408/207833099.html>. (Accessed: 15 September 2015).
34. Euronews. (2013) *Severnaya Koreya: chego dobivaetsya Kim Chen Yn?* [North Korea: what is Kim Jong-un seeking?]. [Online]. Available from: <http://ru.euronews.com/2013/03/27/north-korea-in-nuclear-hysterics>. (Accessed: 15 September 2015).
35. Mansourov, A. (2013) The Rubik's Cube of North Korea Can Be Solved With Creative Thinking. *Global Asia. A Journal of the East Asia Foundation*. 8:3. Fall. [Online]. Available from: <http://www.globalasia.org/Issue/ArticleDetail/456/The-Rubik%D0%B1%D0%BFs-Cube-of-North-Korea-Can-Be-Solved-With-Creative-Thinking.html>. (Accessed: 15 September 2015).
36. InoSMI.Ru. (2013) *Kakuyu formu mozhet prinyat' konflikt na Koreyskom poluostrove? (Atlantico, Frantsiya)* [What form could the conflict on the Korean Peninsula take? (Atlantico, France)]. [Online]. Available from: <http://inosmi.ru/world/20130405/207720117.html>. (Accessed: 15 September 2015).
37. Fitzpatrick, M. (2013) *Perezapusk Yonbena: KNDR na ostrie yadernoy igry* [Restart of Yongbyon: North Korea at the forefront of the nuclear game]. [Online]. Available from: [http://www.bbc.co.uk/russian/international/2013/04/130402\\_nkorea\\_yongbyon\\_analysis.shtml](http://www.bbc.co.uk/russian/international/2013/04/130402_nkorea_yongbyon_analysis.shtml). (Accessed: 15 September 2015).
38. Barns, D. & Entus, A. (2013) *SShA razmestyat sistemu PRO na Guame* [US missile defense system in Guam]. [Online]. Available from: <http://inosmi.ru/world/20130404/207688071.html>. (Accessed: 16 September 2015).
39. The Economist. (2014) *America in Asia. Pivotal. Asians got more from the American president than he got from them*. [Online]. Available from: <http://www.economist.com/news/asia/21601560-asians-got-more-american-president-he-got-them-pivotal>. (Accessed: 21 May 2015).
40. Rossiyskaya gazeta RG.RU. (2014) *Stenogramma vystupleniya Prezidenta* [Transcript of Remarks by President]. 23 July 2014. [Online]. Available from: <http://www.rg.ru/2014/07/23/stenogramma.html>. (Accessed: 23 July 2015).

Received: 02 February 2016